
– ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ –

УДК 130.123.1

<https://doi.org/10.25587/2587-5604-2026-2-95-107>

Оригинальная научная статья

Художественно-философская интерпретация духовного кризиса личности в контексте глобализации и диалога культур

Д. Б. Бахриддинова

Национальный университет Узбекистана,

г. Ташкент, Республика Узбекистан

✉ dildorabahriddinova2984@mail.com

Аннотация

В статье исследуется проблема художественно-философской интерпретации духовного кризиса личности в литературе эпохи глобализации. В центре внимания находится трансформация традиционных представлений о человеке, смысле жизни, нравственных ценностях и духовных идеалах в условиях техногенной цивилизации, массовой культуры и потребительского мышления. Рассматривается, каким образом в современной узбекской литературе получает художественное выражение феномен «нового человека» и как через данный образ раскрывается облик личности, утрачивающей внутреннюю цельность, духовную опору, историческую память и нравственную ответственность. На материале поэмы Улугбека Хамдама «Янги инсон» («Новый человек») анализируются обезличивание личности, отчуждение от собственного «я», подмена духовных потребностей материальными желаниями, зависимость человека от внешней среды и потребительской культуры. Образ «нового человека» трактуется не только как художественный персонаж, но и как философско-эстетическая модель современного кризисного сознания. Выявляются символические оппозиции внутреннего и внешнего мира, духовности и телесности, самопознания и потребления, личности и толпы. Обосновывается вывод о том, что современная литература, обращаясь к проблеме духовного кризиса личности, актуализирует необходимость возвращения человека к внутреннему миру, нравственной памяти, культурным корням и духовному самосознанию.

Ключевые слова: глобализация, духовный кризис, личность, новый человек, массовая культура, психология потребления, обезличивание, художественно-философская интерпретация, Улугбек Хамдам, современная литература.

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки.

Для цитирования: Бахриддинова Д. Б. Художественно-философская интерпретация духовного кризиса личности в контексте глобализации и диалога культур. *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия «Педагогика. Психология. Философия».* 2026: 42 (2): С. 95-107. DOI: 10.25587/2587-5604-2026-2-95-107

Original article

An artistic and philosophical interpretation of the spiritual crisis of personality in the context of globalization and dialogue of cultures

Dildora B. Bakhriddinova

National University of Uzbekistan, Tashkent, Republic of Uzbekistan

✉ dildorabakhriddinova2984@mail.com

Abstract

The article examines the issue of the artistic and philosophical interpretation of the spiritual crisis of personality in the literature of the era of globalization. The focus is on the transformation of traditional ideas about man, the meaning of life, moral values and spiritual ideals in the context of technogenic civilization, mass culture and consumer thinking. It considers how the phenomenon of the “new man” finds artistic expression in modern Uzbek literature and how this image reveals a personality losing its inner integrity, spiritual support, historical memory and moral responsibility. On the material of Ulugbek Hamdam’s poem “Yangi inson” (“The New Man”), the author analyzes depersonalization, alienation from one’s own “I”, the substitution of spiritual needs by material desires, and the dependence of man on the external environment and consumer culture. The image of the “new man” is interpreted not only as a fictional character, but also as a philosophical and aesthetic model of modern crisis consciousness. The symbolic oppositions of the inner and outer world, spirituality and physicality, self-knowledge and consumption, personality and the crowd are revealed. The conclusion substantiates that modern literature, addressing the problem of the spiritual crisis of personality, actualizes the necessity for a person to return to the inner world, moral memory, cultural roots and spiritual self awareness.

Keywords: globalization, spiritual crisis, personality, new man, mass culture, consumer psychology, depersonalization, artistic and philosophical interpretation, Ulugbek Hamdam, modern literature.

Funding: The study did not have financial support.

For citation: Bakhriddinova D. B. An artistic and philosophical interpretation of the spiritual crisis of personality in the context of globalization and dialogue of cultures. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Pedagogics. Psychology. Philosophy.* 2026: 42 (2): Pp. 95-107. DOI: 10.25587/2587-5604-2026-2-95-107

Введение

XX век вошёл в историю не только как век перемен, достижений и грандиозного прогресса, но и как период резких сдвигов в тысячелетних нравственных представлениях о мире и человеке, в системе ценностей, искусстве и культуре. Мир, утративший прежний облик, начал изменяться в соответствии с ускоряющимися темпами глобализации. В мировом масштабе стала деформироваться традиционная система нравственных взглядов на человека, сущность жизни и смысл человеческого существования. Если прежде возвышались аспекты, связанные с духом и духовностью, и человек больше доверял идеальному бытию, нежели материальной реальности, находя в нём утешение и духовное успокоение, то возникшая на Западе в XVIII веке «философия свободы» была направлена на разрушение идеала и основанной на нём морали. Религиозные представления, веками господствовавшие над сферой знания, постепенно уступили место научному познанию. Человек начал видеть в разуме единственного спасителя. На ранних этапах развития науки он стал воображать себя абсолютным властителем мира. Изменились среда его существования, мировоззрение, психология и сам способ восприятия реальности. Западный мир избрал путь отказа от собственных корней; это был путь, отрицающий духовное начало, а также религиозную, культурную и половую идентичность. Всё это происходит и сегодня. Изменения в обществе являются следствием изменений в нашем мышлении. Футуролог Э. Тоффлер в книге «Футушок» определяет современную ситуацию как «странное новое общество, созревая-

ющее в глубинах нашей жизни» [1]. Прежде чем говорить о современной духовной атмосфере, о психологии человека информационной эпохи, о всё более дробящейся личности и её отражении в литературе нашего времени, необходимо остановиться на причинах возникновения данной проблемы. Причина любого кризиса никогда не бывает единственной. Рассматриваемое явление можно объяснить несколькими факторами.

Во-первых, догматические представления, веками господствовавшие над познанием, уступили место научному знанию. Разум превратился в единственного спасителя человека. Уже в XIX веке ситуацию в Европе начали определять люди энциклопедического склада. Однако в XX веке специализация стала приобретать большее значение, чем культура в её целостном понимании. В результате сформировался новый тип учёного, знающего лишь ту узкую область, в которой он непосредственно работает [2]. На смену носителям энциклопедического знания пришли специалисты, хорошо владеющие только своей сферой. Дифференциация наук нарушила целостность знания. Это напоминает восточную притчу о слепцах, которые, пытаясь составить представление о слоне, познают лишь одну его часть и принимают её за целое. Между тем для постижения сущности мира, его внутренней субстанции, невозможно двигаться только одним путём.

Во-вторых, мировые войны и «холодные войны», свидетелем которых стало человечество в прошлом столетии, внесли существенные изменения в человеческое сознание и традиционные представления. Мировые войны усилили распад системы западных ценностей. Людей охватили подавленность и разочарование. Нравственные нормы перестали удовлетворять молодое поколение; оно стало требовать «сексуальной революции», свободы быта и общения [2, 3, 4]. Это были первые шаги тех групп, которые сегодня выступают с требованием абсолютной свободы. В результате массовых протестов традиционные нравственные нормы начали переоцениваться. Масса, утратившая вкус к жизни, веру в завтрашний день и начавшая воспринимать существование как бессмысленное, стала выдвигать материальное на первое место.

Дэвид Юм в эссе «Скептик» объясняет подобное состояние человека следующим образом: когда в Афинах распространилась чума и повсюду блуждала тень смерти, среди людей усилились безудержная тяга к наслаждению и стремление жить по принципу «пока жив – наслаждайся» [5]. Боккаччо наблюдал аналогичные явления во Флоренции во время эпидемии. Тот же принцип побуждает солдат к мятежам и грабёжам во время войны: настоящее удовольствие оказывается важнее всего остального; всё, что уменьшает значение иных ценностей, тем самым усиливает его воздействие и цену [6, 7]. В соответствии с принципом спроса и предложения длительная «великая депрессия», а также люди, духовно подавленные и физически истощённые войной, голодные, раздетые и несчастные, нуждались в произведениях, показывающих иллюзорно счастливую жизнь и изображающих страстные любовные переживания. Европа, занятая преодолением последствий войны, не могла производить подобную культурную продукцию. Американская массовая культура стала своего рода «бальзамом» для бедного европейца и, подобно религии, выполняла функцию психологической компенсации.

Здесь уместно напомнить, что в американской киноиндустрии, прежде чем создать фильм в Голливуде, специалисты изучают интересы и запросы массовой аудитории, и фильм снимается, исходя из этих запросов (исключением являются подлинные произведения искусства). В такой ситуации художественное произведение не возвышает человека, а само опускается до его уровня. То же можно сказать и о некоторых произведениях, которые становятся «бестселлерами» на мировом и локальном рынках и служат, прежде

всего, прибыли автора и издателя. Это явление массовой утраты вкуса: ценность произведения искусства измеряется не тем, что оно даёт человеку, а тем, какую выгоду приносит. В условиях притупления художественного вкуса, когда ценность художественного произведения измеряется размером прибыли, литература и искусство допускают смешение различных, даже взаимоисключающих направлений и стилей. Это разрушает традиционные критерии художественности, стирает границу между подлинным искусством и массовым искусством, приводит к дизайнеризации искусства, а подобное искусство, в свою очередь, само притупляет художественный вкус. Данный процесс можно определить как индустриализацию искусства. Знание и интеллектуальный потенциал не вытесняют товарные отношения, напротив, сами всё чаще превращаются в товар.

В-третьих, в последние столетия человечество стало жить свободнее и комфортнее, чем его предки, благодаря бурному развитию цивилизации и её удобств. Люди поверили, что все проблемы можно решить посредством цивилизационного прогресса. «Человек создал новую политическую систему, которая, казалось, должна была гарантировать свободное и эффективное развитие личности. Он сократил продолжительность рабочего дня и получил возможность распоряжаться свободным временем по собственному усмотрению. О таком благе его предки не могли мечтать даже во сне» [8]. Понятия и мировоззрение человека формируются на основе явлений объективного мира. Люди постепенно приспосабливаются к существующей реальности. «Характер человека сформировался под воздействием мира, созданного самим человеком», – утверждает Э. Фромм [9]. В этом суждении есть глубокий смысл. Все достижения новой индустриальной цивилизации были полностью направлены на то, чтобы сделать социальную жизнь максимально лёгкой, приятной и беззаботной; однако изменения в повседневном быту не могли не отразиться на сознании и психическом состоянии нового массового человека. Усиление потребительских настроений и ослабление потребности в самоанализе сегодня являются очевидной реальностью. В мире, который всё более автоматизируется, интеллектуальный уровень человека растёт, но способность к глубокому восприятию и переживанию ослабевает. Человек значим именно тем, что способен исследовать самого себя и выработать отношение к происходящей вокруг действительности.

Анализируя проблему человеческой морали, Э. Фромм писал, что, несмотря на рост производства и бытового комфорта, способность человека чувствовать притупляется, и он, сам того не осознавая, ощущает бессмысленность собственной жизни [8, 10]. В XIX веке встал вопрос «Бог умер», а в XX веке – вопрос «Человек умер». В XIX веке утрата человечности означала жестокость; в прошлом люди боялись стать рабами, в будущем же следует опасаться того, что люди превратятся в роботов. Жизнь, противоречащая человеческой природе, ведёт к безумию. В конечном счёте, люди сами разрушат свой мир, поскольку не смогут вынести боли бессмысленной жизни [11, 12]. Стремление к бессмертию, связанное с легендой о живой воде в поэме Эркина Вахидова «Восстание духов» (бессмертных), по существу, также выражает безграничные и необузданные желания человека [13].

В-четвёртых, одной из существенных проблем является постепенное исчезновение идеала в искусстве, литературе и вообще в человеческой жизни. В этом смысле справедливо мнение Ю. Борева объяснявшего отсутствие великих произведений в последние десятилетия тем, что жизнь осталась без высшей цели и идеалов. Эстетический идеал занимает огромное место как вершина высоких стремлений, высшая цель и образец. Эстетический идеал – это образ, существующий в творческом воображении художника. В художественном произведении он играет важную роль в воспитании личности, достойной общественной жизни.

Гюстав Лебон, глубоко анализируя проблему массы в книге «Психология народов и масс», сравнивал её силу с силой варваров, разрушающих цивилизацию. Масса раздражительна и склонна к невежеству. Главной причиной превращения людей в толпу является переход к жизни без идеала [14]. Человеческое мышление стремится постичь мир в его целостности. Достигнув определённой границы знания, человек пытается понять то, что находится за её пределами, с помощью различных гипотез. Недостающие звенья знания и представлений он восполняет догадками и фантастическими образами, созданными им самим. Человек не может смириться с преходящестью жизни. При наличии достаточного религиозного знания такая ситуация не возникает. Компенсаторная функция, присущая религии (а также искусству и литературе), дарует человеку утешение. Однако те, кого религиозное учение не удовлетворяет, точнее, люди, утратившие связь с Богом, ищут для себя иные формы утешения. Резко возрастает склонность к вымыслам и иллюзорным образам. В результате меняются и идеалы: ими становятся маги, вампиры, человек-паук и подобные фигуры. Однако с точки зрения разума и логики они не могут быть подлинными идеалами. В условиях усиления потребительских настроений сегодня растёт потребность в образцах массовой литературы. Более того, встречаются случаи искажённой интерпретации классических произведений в соответствии со вкусами современной массовой аудитории.

В целом, многие исследователи считают целесообразным делить образцы массовой культуры на три уровня: китч, мид и арт. Подобную классификацию можно встретить и в беседе литературоведа Ш. Ризаева с М. Рахимом [15]. В этой беседе подчёркивается, что общество должно постепенно освобождать массовую культуру от низкопробных и посредственных элементов, оставляя в ней только высокие начала; это означает не «полное уничтожение» массовой культуры, а её направление в приемлемое русло. В беседе также показано принципиальное различие между «массовой культурой» и «культурой толпы».

В настоящее время массовая культура превратилась в одно из наиболее опасных орудий культурно-идеологического давления. Массовая культура, ядром которой является потребительское настроение, противоречит подлинной человеческой культуре, попирает её, искажает её сущность и, в конечном итоге, низводит человека до уровня существа, озабоченного лишь сохранением собственного существования, а народ превращает в толпу. По своей сути толпа опасна. Она не является народом. Народ отличается от толпы тем, что обладает культурным самосознанием. Толпа становится народом лишь тогда, когда осознаёт себя. В толпе способность мыслить и понимать ослаблена; она склонна подчиняться внешнему управлению. В целом, подобные проблемы не слишком её интересуют.

Великий русский критик В. Г. Белинский в своей статье «Литературные мечтания» писал: «По неизбежному закону судьбы каждый народ своим бытом должен выразить какую-либо грань жизни всего человечества; в противном случае этот народ не живёт, а лишь напрасно существует. Если весь мир превратится в Рим, если все народы начнут мыслить и чувствовать по-римски, движение человеческой мысли остановится, ибо перед ним уже не останется иной цели» [16]. В этом суждении он был абсолютно прав. Унификация всех наций свидетельствует об их упадке. Каждая нация, обладая своей неповторимостью, является одним из звеньев цепи человечества. Человечество должно вернуться с пути заблуждения на путь истины; для этого необходимо, чтобы открылось внутреннее зрение человека, чтобы его вера и убеждения обрели устойчивость.

Жанр поэмы, как правило, развивается в переломные периоды литературного процесса. В узбекской литературе послевоенные поэмы преимущественно выражали идеи созидания, тогда как к 1960-м годам в этом жанре наметились новые тенденции: на первый план

вышли психология героя, его внутренний мир и чувства. К числу таких произведений относятся «Солнечное перо», «Крик», «Восстание духов». Именно колебания человеческого сердца придают этим поэмам красоту и величие. Жанр поэмы, некогда один из наиболее активных жанров литературного процесса, сегодня в значительной мере утратил прежнюю активность. Однако поэма Улугбека Хамдама «Янги инсон» («Новый человек») может быть названа одним из новых и значительных образцов данного жанра.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составляют культурно-исторический и сравнительно-типологический подходы. Культурно-исторический метод позволяет рассмотреть поэму Улугбека Хамдама «Новый человек» (Хамдам, 2018) как художественный отклик на духовный кризис, вызванный глобализацией, массовой культурой и психологией потребления (Ортега-и-Гассет, 1991; Фромм, 2000; Лебон, 1995). Сравнительный метод используется для сопоставления образа «нового человека» с традиционными героями восточной поэзии (Белинский, 1977; Норматов, 2008). Герменевтический анализ применяется для интерпретации ключевых символов поэмы (Путь, Сердце, Яблоко), а также для выявления диалога поэта с суфийской философией и ницшеанством (Курунов, 2015). Интеграция данных методов позволяет раскрыть художественно-философскую трактовку духовного кризиса личности и обосновать роль литературы как инструмента возвращения человека к нравственным ценностям.

Результаты и обсуждение

Главная тема литературы – человек и его судьба. Человек по своей природе представляет собой сложность, до конца не поддающуюся постижению. В поэме «Махбуб ул-кулуб» известный узбекский мыслитель, писатель Алишер Навои называет человека «одами шариф ул-канвабайн», то есть самым благородным и драгоценным созданием двух миров. В восточной философии представление о человеке как о высшем существе после Творца показывает величие этого создания, являющегося «желанием и плодом мира». Однако к современному времени состояние и поступки человека изменились. Безымянный герой поэмы Улугбека Хамдама – Новый человек является именно таким образом. В поэме не обозначены его национальность, цвет лица или внешность. Главный герой лишён имени, ибо «человек, лишённый свободы и облика, как бы его ни называли, остаётся безликим» [17]. Безымянность героя указывает на обезличивание современного человека. Произведение возникло как ответ на духовную потребность нашего времени. В нём отражены облик и духовный мир современного человека.

Творец возлагает на образ Нового человека значительную социальную функцию. Создавая художественное произведение, автор стремится воплотить свой идейно-художественный замысел, свою концепцию через главного героя. В большинстве случаев в таких произведениях отражается духовно зрелая личность. Однако в «Новом человеке» мы видим не созидательную личность, веками утверждавшуюся в человеческом сознании, а человека, превратившегося в потребителя. Автор стремится представить путь человечества в целостном виде. Он вступает в спор с Новым человеком, который пытается обесценить вековые критерии и ценности, и предлагает его художественную интерпретацию в особом ракурсе. Справедливо отмечено, что «наша поэзия давно не решалась на художественное осмысление столь масштабной проблемы» [18]. Литературовед Д. Курунов рассматривает «Нового человека» в диалогической связи со стихотворением Абдуллы Арипова «Лицом к лицу», созданным в 1960-е годы, обращая внимание на социально-духовные проблемы, возложенные в обоих произведениях на понятие Человека. Он справедливо определяет создание

этой поэмы как «свидетельство осознания потребности, порождённой нашим временем» [18]. В «Новом человеке» поэт пишет о круговороте трагедий, всё сильнее втягивающих человечество в свою бездну и стремящихся его уничтожить, а также об опасности того, что завтра каждый может превратиться в «нового человека». Сегодня изменились облик мира, его картина и способ мышления людей. Гюстав Лебон в работе «Психология народов и масс» утверждал, что смена цивилизаций, например, кризисы, приведшие к падению Римской империи и пробуждению арабской цивилизации, объясняется изменением способа мышления; любое историческое событие является результатом незаметных изменений в человеческом сознании [14]. В этом он был совершенно прав.

Суть проблемы состоит в том, что во всём мире меняются представления о человеческой природе, о смысле жизни и значении человеческого существования. Следует признать, что этот процесс оказывает влияние и на нас. Убеждения, понятия, идеалы и нравственные представления человека вчерашнего дня, основанные на идее вечности жизни, постепенно разрушаются. Сегодня место идеалов занимает потребительское настроение. Прежде возвышались духовно-нравственные начала. Человек больше доверял идеальному бытию, чем материальному миру, и находил утешение в духовно-божественной сфере. Позднее, когда человека стали рассматривать не как духовное существо, а как дитя природы, как биологический индивид, божественное и духовное начала были отвергнуты. Именно тогда человечество потеряло свой путь. Автор глубоко анализирует настроение и характер Нового человека, который считает традиционную мораль не соответствующей требованиям современности. Он лишён религиозной веры, воспринимает себя всемогущим, равнодушен к вопросам духа и сердца. Постепенно Новый человек стал рабом низменных желаний и полностью погрузился в комфорт и наслаждение. По мысли поэта, современная техногенная цивилизация основана не на созидании, а на психологии потребления. «Современный человек превратился в вечного потребителя. Он «залпом» проглатывает напитки, пищу, лекции, зрелища; всё превращается в объект потребления» [19].

В основе концепции поэмы лежат поиск сущности и стремление к самопознанию. Лирического героя тревожит то, насколько это становится невозможным в сегодняшней смуте, и то, что Новый человек перестал задумываться о собственном «я». Событийная реальность произведения передаётся через голос повествователя. Отношение лирического героя к действительности выводит читателя из привычного равновесия. Среди проблем человеческого существования особое значение имеют самость человека, наличие у личности собственного «я» и формирование духовности. Человек, превратившийся в потребителя, не испытывает потребности исследовать своё «я». Когда в обществе материальность возводится в ранг ценности, нарушается его внутреннее равновесие. Потребительская психология отодвигает духовность на низший уровень. Это противоречит сущности подлинной человечности. Подобное состояние опасно не только для духовности, но и для психики человека. Поэт видит главную причину проблемы Нового человека в его отдалении от сердца, от внутреннего мира и в погружении в земные наслаждения:

*Беды начались после того,
как человек вышел наружу,
от внутреннего,
от Божественной Сущности в себе
он отдалился...*

Убаюкивающие наш дух и разум напевы «даджала», постепенное угасание мышления Нового человека вызывают страх у лирического героя. Если человек перестаёт мыслить,

он перестаёт жить. Безмыслие есть форма безличности. Лишённый мысли человек превращается в манкурта, утрачивает личность. Такими людьми удобно управлять с помощью стандартизированных идей, помещённых в один шаблон. По сути, совокупность таких людей является толпой. Толпой управляет не внутреннее «я», а внешние силы. Новая элита, установившая своё господство в результате культурной революции, с помощью телевидения, искусства, индустрии развлечений и системы образования стремится внедрить в сознание людей определённые идеи, образы, взгляды и ценности и сформировать совершенно новую нацию. Внушаемая с их помощью идея безграничной свободы служит воспитанию поколения, полностью лишённого собственного «я».

В прошлом столетии на долю нашего народа выпали такие трагедии, как война, репрессии и колониальное угнетение. Цена этих трагедий была тяжёлой. Однако сегодня, в эпоху глобализации, перед человечеством встают проблемы, затрагивающие саму личность, разрушающие традиции и ценности. Они опасны тем, что усыпляют человеческий разум и дух, превращая человека, лишённого мышления, в потребительскую толпу. В «Новом человеке» поэт обращает внимание именно на корни этих трагедий:

Новый человек!

Кто он?

Откуда пришёл

и куда направляется?...[20]

Так спрашивает поэт. В его представлении современный новый человек опасен тем, что превращается в потребительскую толпу. Он стоит на грани того, чтобы променять уникальную способность мыслить, которой не обладает ни одно другое существо, на чувство потребления. Поэт подчёркивает, что путь, избранный Новым человеком, ведёт человечество к упадку:

Его мозг в третьем тысячелетии

с плеском был брошен в желудок!..

Значит, теперь он – Потребитель!

Да ещё какой – прожорливый Потребитель!

С тех пор как появился человек,

такого едока,

такого пьяницу

и такого любителя нарядов

ещё не рождалось,

ещё не видели!

В поэме автор отражает трагедию человечества, всё более превращающегося в потребителя и теряющего свой облик. Он не желает, чтобы люди таким образом становились манкуртами и подчинялись чьему-либо управлению. Следовательно, его идеи имеют общечеловеческий характер. В эпоху глобализации границы локальной ограниченности разрушаются, а проблемы приобретают общечеловеческий масштаб. Поэтому герой поэмы относится не к какой-либо одной нации, а ко всему человечеству. Новый человек, сегодня отдающий своё «я» во власть внешнего блеска, завтра сталкивается с опасностью превращения в Суперчеловека:

Суперчеловек –

это дьявол, который

раздувает фитиль женского в мужчине

и мужского в женщине!..

*В результате ты становишься
ни мужчиной, ни женщиной –
третьим полом!..
Они одновременно
сойдутся в твоём существе,
и ты превратишься
в одно двуполое чудовище...*

Уже само воображение подобного, не говоря о его осуществлении, производит ужасающее впечатление. Это подобно тому, как Гермафродит выходит из греческого мифа и вступает в реальность:

*Вот почему я
настораживаюсь перед преданиями,
медлю,
перенося их на язык жизни...
Ибо в них,
не во всех,
но в некоторых,
в глубине некоторых
спят джинны...*

Настороженность поэта перед мифами и его убежденность в том, что в глубине некоторых из них спят джинны, вполне оправданны. Новый человек же без всякого страха стремится погладить длинное горлышко сосуда, в котором спит джинн. «Мы делаем вид, что ничего не видим, современник!» – восклицает поэт, призывая пробудиться от сна беспечности. Наконец лирический герой находит ответ на свои бесконечные вопросы:

*Итак,
всё дело – во внутреннем и внешнем,
в их отношениях,
в пути, проходящем точно посередине
между внутренним и внешним,
и во взглядах человека,
который идёт по этому пути.*

Во всех произведениях Улугбека Хамдама человек рассматривается в неразрывной связи с обществом [20]. В «Новом человеке» поэт также изображает изменения, происходящие в обществе, рядом с духовным кризисом и внутренними изменениями личности. Лирический герой не может присоединиться к толпе, опьянённой блеском улицы и забывшей себя. Иногда он сам испытывает потребительское настроение, но не чувствует себя счастливым, поскольку существующая реальность не совпадает с его представлением о мире. Оставаясь наедине со своим сердцем, он понимает, что происходящее вокруг противоречит логике человечности. Однако примечательно, что он не может просто махнуть рукой на всё и уйти в уединение. Есть сила, которая тянет его наружу – к огромной толпе. Эта сила – «билет жизни», деньги, подчинившие себе сегодня весь мир. Осознание трагедии существующей ситуации и понимание того, что даже он сам не может выйти из неё, рождают в лирическом герое внутреннее противоречие и духовное страдание. Это трагедия современной личности, утратившей душевное равновесие. Главная проблема сегодняшнего дня заключается в том, что мир полностью овладевает сердцем и духом – пространством духовных потребностей. Не случайно поэт делает акцент на сердце, на внутреннем. Он предлагает концеп-

цию сохранения человека через защиту сердца. Западная общественная мысль, переживающая духовный упадок, не в состоянии представить будущее человечества. В частности, академик Ю. Боров подчёркивал, что сегодня не существует концепции, по которой мог бы двигаться человек. Для человечества это страшный приговор. Однако поэт, сохраняя оптимизм, способен опровергнуть этот приговор. Он обращает взгляд к прошлому и черпает надежду в выводах мудрецов:

*В течение тысячелетий мудрецы,
ища счастье,
наконец
пришли к одному выводу:
«Всё, чего ищешь, ищи в себе»,
потому что, потому что
«то, что внутри тебя, – внутри тебя»,
говорили они.*

В композиции текста «Нового человека» присутствуют элементы, не встречающиеся в других поэмах. Поэт цитирует строки Навои и Руми, а в сносках поясняет, кому они принадлежат. Тем самым он вступает в интертекстуальный диалог с классическими поэтами Востока. Далее поэт говорит:

*Человек,
когда-то молившийся у подножия Единого и Сущего,
провозгласил: «Бог умер!» –
и преклонил колени перед собственной страстью...
Теперь он, разрушив устойчивое представление,
начал жить собственным воображением,
старый мир превратился
в представление Нового мира...*

В этом месте поэт, хорошо знакомый с философией Востока и Запада, вступает в полемику с ницшеанским нигилизмом, отвергающим вековые метафизические понятия. Один из мастеров японской литературы Рюноске Акутагава в повести «В стране водяных» также с сожалением изображал последствия разрушения исконной концепции человека и его бытия, основанной на ценностях. В «Новом человеке» также присутствует указание на то, что разрушение устойчивого представления и замена изначального порядка дионисийским воображением создают предпосылки для того, чтобы человек оказался в тупике. Улугбек Хамдам в поэме верно раскрывает сущность этих взглядов, ставших представлением Нового человека.

Отдаление от духовного мира и признание человека только биологическим индивидом было самой страшной ошибкой Нового человека. Антигерой, наивно поверивший блеску улицы, покинул внутреннее – сердце:

*Покинув внутреннее, не имеющее предела,
он избрал внешнее, имеющее границы.
Неужели это был путь Адама?
Неужели его рука,
протянутая к яблоку,
оказалась вечным путём сынов человеческих?!*

Обращаясь к образу руки Адама, протянутой к запретному плоду – яблоку, поэт говорит о границах, которые сегодня нарушают потомки первого человека, некогда нарушившего

первое табу. Через обращение к этому известному архетипу поэт художественно предсказывает возможность наказания человека за совершение запретного греха. Современное состояние Нового человека, ушедшего из внутреннего – из сердца – во внешнее, по мысли автора, также берёт начало от руки Адама, протянутой к яблоку.

Слово «Путь» в поэме приобретает символическое значение. Известно, что в суфизме человек, вступивший на путь совершенствования и поиска Творца, называется путником. Автор, хорошо знакомый с этой философией, видит решение своих вопросов именно в данном пути. Пока человек не вернётся к своему внутреннему миру, пока не обратится к пути Истины, он не сможет выйти из водоворота трагедий. С точки зрения поэта, поступки сынов Адама напоминают не действия зрелого человека, а поступки ребёнка, не думающего о последствиях.

Поэту необходимо увидеть мир по-новому. Для этого спасение следует искать не внешне, а внутри – в сердце. Человек должен опереться на свою великую историю и духовность. Люди, оторвавшиеся от почвы, оказываются неспособными усвоить национальную и общечеловеческую культуру. В начале XX века великие мыслители мусульманского мира Исмаил Гаспринский и Махмудходжа Бехбуди подчёркивали, что Восток, принимая от Европы множество новшеств в области техники и технологий, в вопросах морали и духовности не может безоговорочно принять западные «открытия». Человек достигнет счастья лишь тогда, когда не забудет себя и своё прошлое. Поэтому поэт говорит:

*Судьба нежного цветка,
который раскроется завтра,
будет написана
на суровом челе вчерашнего корня –
прочитай же!..
Итак, если человеческое сердце –
дверь,
открывающаяся к обители Творца,
что же ты делаешь снаружи,
современник?!*

Поэма Улугбека Хамдама «Янги инсон» не принадлежит только нам или только одной нации. В ней не только поставлены волнующие и тревожащие нас проблемы, но и намечены пути их решения. Именно поэтому данное произведение может быть рассмотрено как значимый художественно-философский текст, в котором духовный кризис личности эпохи глобализации осмыслен через призму национальной художественной традиции, восточной духовности и общечеловеческой тревоги за будущее человека.

Заключение

В поэме «Янги инсон» поэт обращает внимание именно на корни этих трагедий. По его мнению, опасность современного «нового человека» заключается в его постепенном превращении в потребляющую массу. Он стоит на грани обмена уникальной человеческой способности мыслить, которой не обладает ни одно другое существо, на импульс потребления. Поэт показывает, что путь, выбранный «новым человеком», ведёт человечество не к прогрессу, а к упадку.

В поэме Улугбек Хамдам изображает изменения, происходящие в обществе, в тесной связи с внутренним духовным кризисом личности. Особое значение он придает сердцу, внутреннему миру человека. Поэт выдвигает мысль о том, что человечность может быть сохранена только через защиту сердца. Он обращается к строкам Навои и Руми, вступая

тем самым в интертекстуальный диалог с классическими поэтами Востока. Автор убежден, что современному человеку необходимо заново увидеть мир, а спасение следует искать не вовне, а внутри – в сердце. Поэма Улугбека Хамдама «Янги инсон» не является произведением, принадлежащим только одной нации или одной литературной традиции. Наряду с проблемами, тревожащими все человечество, в ней обозначаются и возможные пути их преодоления. Именно поэтому произведение может быть рассмотрено в контексте диалога культур, национальной и мировой литературы в полилингвальном мире.

Литература

1. Тоффлер Э. *Футурошок*. Санкт-Петербург : Лань; 1997: 461.
2. Борздая А. М. Сексуальная революция как противостояние нормам морали предыдущих поколений. В сборнике: *Молодежь XXI века: образование, наука, инновации, факультет психологии*. Материалы XIII Всероссийской студенческой научно-практической конференции с международным участием. В 2-х частях. Новосибирск, 2025. С. 13-15.
3. Челышев П. В. Тайный смысл сексуальной революции. *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2015: 12-2; 351-352.
4. Розин В. М. Итоги и проблемы сексуальной революции. *Философские науки*. 2011; 7: 50-64.
5. Юм Д. *Исследование о человеческом разумении*. Москва: Издательство «Эксмо» 2022: 215.
6. Полякова С. «Декамерон»: о возможности любви на самоизоляции. *Логос*. 2021: 31(13): 143-178.
7. Бокаччо Дж. *Декамерон*. Тверь: Мартин; 2021: 704
8. Фромм Э. *Иметь или быть?* Москва: Издательство: «Республика»; 1993: 416 .
9. Фромм Э. *Человек для самого себя*. Москва: Litres; 2022: 379.
10. Фромм Э. *Бегство от свободы*. Москва: Издательство АСТ; 2019: 287.
11. Ницше Ф. *Веселая наука*. Москва: Азбука; 2023: 352.
12. Фромм Э. *Искусство быть*. Москва: АСТ; 2022: 224.
13. Вахидов Э. *Восстание бессмертных*. Пер. с узб. А. Файнберга. Москва : Советский писатель; 1983: 56.
14. Лебон Г. *Психология народов и масс*. Санкт-Петербург: Макет; 1995: 316.
15. Ризаев Ш. *Хайрихолик бош мезон бўлса* (беседа). Тафаккур; 2010: (3): 4. (на узб. яз.).
16. Белинский В. Г. *Адабий орзулар*. Тошкент: Фафур Гулом номидаги Адабиёт ва санъат нашриёти; 1977: 263. (на узб. яз.).
17. Куронов Д., Мамажонов З., Шералиева М. *Адабиётшунослик лугати*. Тошкент: Akademnashr; 2013:408. https://www.elibrary.ru/download/elibrary_42988828_62113320.pdf (Дата обращения: 18.02.2026). (на узб. яз.).
18. Куронов Д. *Инсон йўли*. В кн.: Талкин имконлари. Ташкент: Turon zamin ziyo; 2015: 58. (на узб. яз.).
19. Фромм Э. *Психоанализ и этика*. Москва : Республика; 1993:192.
20. Ҳамдам У. *Эски дунё ва янги мен*. Ташкент: Янги аср авлоди; 2018: 362. (на узб. яз.).

References

1. Toffler E. *Future Shock*. St. Petersburg: Lan; 1997:461 (in Russian).
2. Borzdaya A.M. Sexual Revolution as a Confrontation with the Moral Norms of Previous Generations. In: *Youth of the 21st Century: Education, Science, Innovation, Faculty of Psychology: Proceedings of the XIII All-Russian Student Scientific and Practical Conference with International Participation*. In 2 parts. Novosibirsk; 2025:13–15 (in Russian).
3. Chelyshev P.V. The Secret Meaning of the Sexual Revolution. *International Journal of Applied and Fundamental Research*. 2015:12-2;351–352 (in Russian).
4. Rozin V.M. Results and Problems of the Sexual Revolution. *Philosophical Sciences*. 2011;7:50–64 (in Russian).
5. Hume D. *An Enquiry Concerning Human Understanding*. Moscow: Eksmo Publishing House 2022:215 (in Russian).

6. Polyakova S. The Decameron: On the Possibility of Love in Self-Isolation. *Logos*. 2021: 31(13):143–178 (in Russian).
7. Boccaccio G. *The Decameron*. Tver: Martin; 2021:704 (in Russian).
8. Fromm E. *To Have or to Be?* Moscow: Respublika Publishing House; 1993:416 (in Russian).
9. Fromm E. *Man for Himself*. Moscow: Litres; 2022:379 (in Russian).
10. Fromm E. *Escape from Freedom*. Moscow: AST Publishing House; 2019:287 (in Russian).
11. Nietzsche F. *The Gay Science*. Moscow: Azbuka; 2023:352 (in Russian).
12. Fromm E. *The Art of Being*. Moscow: AST, 2022: 224 (in Russian).
13. Vakhidov E. *The Uprising of the Immortals*. Translated from Uzbek by A. Fainberg. Moscow: Sovetsky pisatel; 1983:56 (in Russian).
14. Lebon G. *Psychology of People and Masses*. Saint Petersburg: Maket; 1995:316 (in Russian).
15. Rizaev Sh. *Хайрихоҳлик бои мезон бўлса* (беседа). Tafakkur; 2010:(3):4 (in Uzbek).
16. Belinsky V. G. *Адабий орзулар*. Тошкент: Фафур Ғулум номидаги Адабиёт ва санъат нашриёти; 1977:263 (in Uzbek).
17. Kuronov D., Mamajonov Z., Sheralieva M. *Адабиётшунослик лугати*. Tashkent: Akademnashr; 2013:408. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_42988828_62113320.pdf (accessed: 18 February 2026) (in Uzbek).
18. Kuronov D. *Инсон йўли*. В кн.: Талкин имконлари. Ташкент: Turon zamin ziyo; 2015:58 (in Uzbek).
19. Fromm E. *Psychoanalysis and ethics*. Moscow: Republic; 1993:192 (in Russian).
20. Hamdam U. *Эски дунё ва янги мен*. Tashkent: Янги аср авлоди; 2018: 362 (in Uzbek).

Сведения об авторе

БАХРИДДИНОВА Дилдора Бахридиновна – д-р философии (PhD) по филологическим наукам, доцент кафедры узбекского литературоведения, докторант (DSc) Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека, г. Ташкент, Республика Узбекистан, ORCID: 0009-0001-1070-0698, e-mail: dildorabahriddinova2984@gmail.com

Information about the author

BAKHRIDDINOVA, Dildora Bakhridinovna – PhD in Philology, Associate Professor, Department of Uzbek Literary Studies, Doctoral Candidate, Mirzo Ulugbek National University of Uzbekistan, Tashkent, Republic of Uzbekistan, ORCID: 0009-0001-1070-0698, email: dildorabahriddinova2984@gmail.com

Конфликт интересов

Автор подтверждает отсутствие конфликта интересов.

Conflict of Interests

The author declares no conflict of interest.

Поступила в редакцию / Submitted 04.05.2026

Поступила после рецензирования / Revised 12.06.26

Принята к публикации / Accepted 22.06.2026